

Ж. В. Марченко✉, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша, И. С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: afrika_77@mail.ru

Жилище раннего железного века на поселении Крохалевка-11 в Новосибирском Приобье

В работе представлены материалы нового однослойного, частично исследованного жилища большереченской культуры на поселении Крохалевка-11 (раскопки 2017 г., северная часть Верхнего Приобья). Объект известен с конца 1970-х гг., содержит слои периода от ранней бронзы до раннего железного века. Значительная часть территории поселения совмещается с разновременным могильником Крохалевка-5 (неолит – Средневековье). Остатки жилой конструкции представлены слабоуглубленным в материковый грунт котлованом подпрямоугольной формы с длинным входом-коридором. Конструкция была сооружена в склоновой части мыса, на берегу системы стариц, входом от края террасы. Охарактеризованы детали интерьера, в т.ч. остатки двух очагов, двух хозяйственных ям и нескольких конструктивных углублений. Очаги, расположенные в центральной части сооружения, представлены двумя типами – наземным и углубленным в круглой яме, частично обмазанной глиной. Высказана гипотеза об использовании последнего очага, в т.ч. для выпечки зерновых лепешек (например, тандыр). Керамический материал, конструктивные особенности и детали интерьера жилища соответствуют гончарным и домостроительным традициям большереченской культуры Верхнего Приобья и восточной части Барабинской лесостепи. На основании сравнительного анализа время бытования жилища определено в рамках VI – IV вв. до н.э.

Ключевые слова: север Верхнего Приобья, ранний железный век, жилище, большереченская культура.

Z. V. Marchenko✉, A. E. Grishin, Y. N. Garkusha, I. S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: afrika_77@mail.ru

An Early Iron Age Dwelling at the Krokhalievka-11 Settlement in the Novosibirsk Ob Region

This paper presents archaeological materials from a dwelling of the Bolsherechenskaya Culture, which was partially excavated at the Krokhalievka-11 settlement (excavations of the 2017 field season, northern part of the Upper Ob River region). The site has been known since the late 1970s. It contains cultural layers ranging from the Early Bronze Age to the Early Iron Age. A significant part of the settlement area overlaps the Krokhalievka-5 burial mounds, which contain graves dating from the Neolithic to the medieval period. The dwelling remains represented a rectangular pit with a long entrance corridor, slightly deepened into the loess soil. The dwelling was constructed on the slope of a cape on the shore of an oxbow lake system, with the entrance facing the edge of the terrace. Interior details, including two hearth remains, two storage pits, and several postholes, are described. The hearths were located in the central part of the dwelling and represented two types: one on an earthen floor, another in a round pit. The latter was partially coated by clay. It has been hypothesized that the second hearth type was used for baking grain flatbreads (similar to a tandoor). The ceramics, structural features, and interior details correspond to the pottery and house-building traditions of the Bolsherechenskaya Culture of the Upper Ob region and the eastern part of the Baraba forest-steppe. Based on comparative analytical data, the period of the dwelling occupation is dated to the 6th–4th centuries BC.

Keywords: Northern part of the Upper Ob River, Early Iron Age, dwelling, Bolsherechenskaya Culture.

Введение

В период 2014–2017 гг. силами двух археологических отрядов ИЭАТ СО РАН проводились исследования на совмещенной территории двух памятников –

средневекового курганного могильника Крохалевка-5 и поселения периода раннего железного века Крохалевка-11 (север Верхнего Приобья, Коченевский р-н, Новосибирская обл.). Памятники находятся на левобережье Оби, в Кудряшовском бору, на мысу первой

террасы обской старицы (Чик-Чаусская озерно-речная система). История изучения обоих памятников насчитывает уже более 50 лет, но имеет эпизодический характер; а результаты работ не всегда находили отражение в научно-отчетной полевой документации и литературе [Сумин и др., 2013, с. 38–40, 52–54]. Наши работы носили характер спасательных, поскольку на территории поселения периода раннего железного века и курганного могильника располагается современное сельское поселение. Раскопки в 2014–2017 гг. проводились в рамках единой системы координат, сплошной площадью на территории огорода и на отдельных участках под старыми постройками, расположенными в центральной части мыса. В ходе проведения работ было установлено, что территория активно использовалась в ритуальных и хозяйственно-бытовых целях на протяжении среднего неолита – Средневековья [Марченко и др., 2015; 2025]. В т.ч. были исследованы культурные слои эпохи раннего железного века – три детских погребения и остатки котлованов жилых построек. Отдельные предметы этого времени (преимущественно керамика) происходили также из верхних нарушенных горизонтов.

Поселение Крохалевка-11

Памятник выявлен В. И. Молодиным при зачистке обнажений края мысовой террасы в виде культурного слоя с находками керамики [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 70]. Часть культурного слоя отнесена к большереченской культуре раннего железного века, другая – к периоду ранней бронзы. Е. А. Сидоровым в 1985 г. был снят план памятника, определены границы распространения материала и более полно охарактеризован состав находок раннего железного века [Сумин и др., 2013, с. 52]. В т.ч. к северо-западу от поселения Крохалевка-11 им было выделено поселение Крохалевка-11а, культурный слой которого содержал материалы эпохи поздней бронзы (ирменская и еловская культуры) и раннего железа (большереченская и кижировская культуры) [Там же, с. 54–55]. По мнению ряда исследователей, поселение Крохалевка-11 не имеет рельефных признаков даже в тех местах, где поверхность не была нарушена более поздними сооружениями – средневековыми курганами и современными постройками [Там же, с. 52]. На сегодняшний день территория поселения включает площадь всего мыса, и его граница уходит на 60–100 м от края террасы.

В 2017 г. в ходе поиска продолжения грунтового могильника эпохи бронзы к юго-востоку от границ усадьбы (раскоп 4) была исследована часть однослойного непотревоженного котлована жилища большереченской культуры. Раскоп размерами 7×6 м располагался в центральной части мыса, на склоне террасы в локальном понижении между неисследованными кург. 82–85 и уже изученным средневековым курга-

ном 77, в 1,5–2 м от основного раскопа 1 (раскопы 1 и 4 разделены изгородью усадьбы). Перепад высот поверхности понижения от уровня подошвы курганов – ок. 0,4 м. Первоначально было неясно, с чем связано это изменение рельефа – с естественными процессами, с забором почвенного грунта для строительства соседних курганов или с современной выемкой грунта, обеспечивающей более удобный подход к речной старице. Этот участок находился в линии рядов захоронений эпохи бронзы, изученных к тому моменту на территории огорода, могильные ямы которых были достаточно глубокие. По нашим предположениям, даже в случае существенного изменения первоначального рельефа, нижний контур могильных ям с непотревоженными комплексами мог сохраниться. Но в результате была выявлена и изучена часть жилой конструкции эпохи раннего железного века, а продолжение некрополя бронзового века обнаружено не было.

Жилище

В процессе исследования стало очевидно, что локальное понижение в границах раскопа 4 является следами слабовыраженной западины. В раскопе изучен участок центральной части и северный угол котлована подпрямоугольной в плане формы с расположенными на дне ямами и очагами (об. 342) (рис. 1). К СВ стенке котлована примыкал углубленный коридорообразный вход подтрапцевидной в плане формы, ориентированный на ВСВ (от края террасы). Остальная площадь сооружения не была изучена, т.к. находится под средневековыми насыпями, исследование которых не входило в планы наших работ. Площадь котлована в рамках раскопа – $5,7 \times 3$ м. Дно имело плавное понижение от стен к центру, перепад высот по дну составил 0,35–0,4 м. Глубина котлована от уровня материка разная: наиболее углубленная часть – вход-коридор (0,3 м), наименьшую глубину имеет западный край котлована – 0,1 м. Вход-коридор расширился в сторону жилища от 1,55 м до 3,5 м; длина изученной части составила 2 м. Дно входа-коридора наклонное, ступенек не отмечено, и в рамках раскопа он имеет существенный перепад высот – 0,25 м.

На уровне гор. 3, еще до появления контура котлована на фоне основного его заполнения (однородной темно-серой супеси) проявился участок золистого слоя (рыхлая мешаная пылеватая оранжевая и светло-серая супесь) – очаг 1 (об. 343). На этом уровне, в рамках раскопа границы слоя имели подпрямоугольную форму, размеры 0,68 м и 0,4 м.

На гор. 4 в центральной, наиболее низкой части котлована, проявились признаки уровня пола в виде плотной мешаной пятнистой желто-серой супеси. Эти особенности слоя свидетельствуют об отсутствии какого-либо дополнительного покрытия на полу. Его мощность неодинаковая – от 0,02 до 0,12 м, наибольшая – в центральной части сооружения. Дополнительными

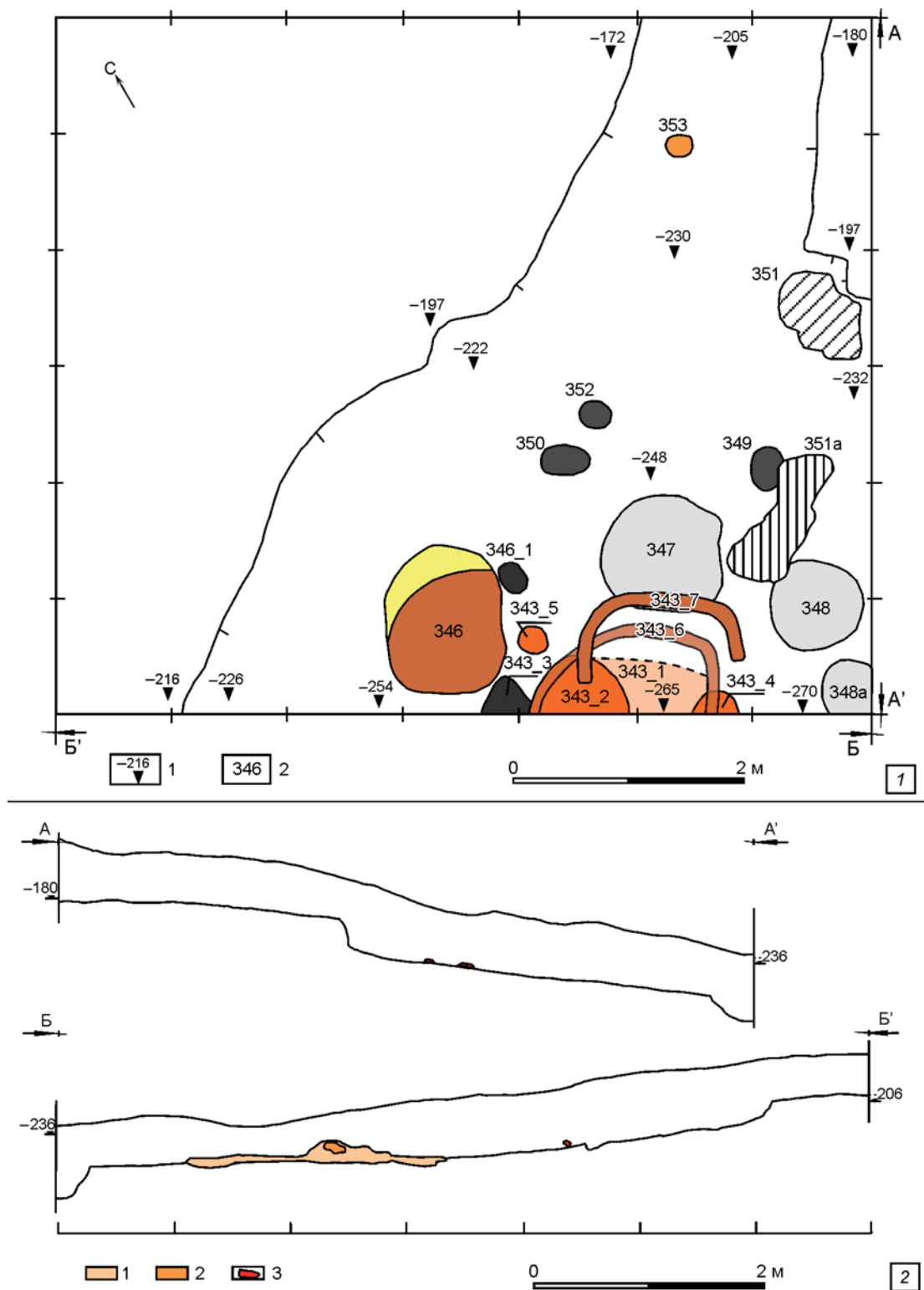

Рис. 1. Крохалевка-11. Жилище (об. 342).

1 – план-схема жилища и объектов, зафиксированных на уровне гор. 4 и 5 (1 – нивелировочная отметка, 2 – номер объекта); 2 – схема разрезов (1 – заполнение об. 343, 2 – фрагменты обожженной глины; 3 – археологические находки – фрагменты керамики и кости животных).

маркерами пола являлись скопления керамики и колотых костей животных в кровле данного слоя.

Крупное скопление керамики (об. 351a) располагалось в 0,8 м от очага 1. Оно в т.ч. включало развал крупных фрагментов от нижних частей нескольких

большереченских сосудов. Компактное скопление костей животных (об. 351) залегало под восточной стенкой жилища на границе со входом. Кости животных мелкие колотые (из различных – эпифизы и зубы коровы), также встречены кости рыб; им со-

путствуют мелкие фрагменты сосудов большебереченского облика.

В центральной части коридора на уровне дна зафиксировано небольшое округлое пятно прокаленной рыхлой оранжево-серой супеси диаметром 0,2 м и мощностью 0,02–0,03 м (об. 353). С прагматической точки зрения его можно интерпретировать как следы небольшой тепловой завесы.

На уровне гор. 5, по дну котлована проявились контуры нескольких ям-углублений, а также были доисследованы отложения частично вскрытого выше наземного очага 1. Поскольку была изучена только часть очажного сооружения, то определить его полные конструктивные особенности и тип окончательно пока нельзя. Охарактеризуем только исследованную часть.

Очаг 1, наземный (об. 343_1–7). На уровне дна был представлен неоднородными остатками от наземного, местами слабоуглубленного, теплотехнического сооружения – прокаленной супеси, золистых рыхлых светло-серых и серо-коричневых остатков и фрагментов прокаленной глины на участке шириной 1,9 м. Судя по всему, он располагался в центральной части котлована. Эти остатки распределены следующим образом: в центре – ровная субгоризонтальная слабо прокаленная площадка светло-оранжевой супеси размером 0,7 × 0,75 м (об. 343_1). Мощность прокаленных отложений – до 0,03 м. К прокаленной площадке примыкает овальное в плане пятно рыхлой коричнево-оранжевой супеси размером 0,5 × 1 м (об. 343_2). Основное заполнение здесь составляла светло-оранжевая супесь с кусочками обожженной глины и включением мелких кальцинированных костей. Мощность рыхлых отложений очага от уровня материка здесь составила 0,1 м. Именно с этой частью очага связаны зафиксированные выше (с уровня гор. 3) разрушенные остатки очажного сооружения в виде золистой супеси с включением фрагментов обожженной глины, но тогда золистые остатки имели подпрямоугольный в плане контур. Общая мощность прокаленных (нижних) и золистых (верхних) отложений в этой части очага составила 0,33 м.

С запада к объекту 343_2 примыкало небольшое понижение размером 0,35 × 0,3 м, глубиной 0,1 м заполненное черной, местами сажистой супесью (об. 343_3). С востока к об. 343_1 примыкало также частично изученное пятно с округлым контуром рыхлой коричнево-оранжевой супеси размером 0,2 × 0,15 м (об. 343_4). Мощность прокаленного слоя небольшая – 0,03 м.

Круглое пятно с подобным характером заполнения диаметром 0,13 м (об. 343_5) исследовано в 0,23 м к северо-западу от об. 342_2. В разрезе пятно имело вид ямы глубиной 0,25 м с прямыми вертикальными стенками и округлым дном. Заполнение – однородная коричнево-оранжевая супесь с включением мелких кальцинированных костей, а также небольших обломков необожженных костей животных.

Оконтуривает центральную площадку (об. 343_1) и участки с прокаленной супесью (об. 343_2 и 343_3) округлая «дуга» серо-коричневой супеси шириной 0,1–0,12 м – об. 343_6. Глубина этой «дуги» небольшая – на разных участках – 0,03–0,05 м. Судя по характеру заполнения, она может являться следами от конструктивных слабоуглубленных элементов – деревянной опалубки для наземного очага. Второе дугообразное углубление расположено чуть дальше от очага и не полностью охватывает очажную площадку – об. 343_7. Она более поздняя, т.к. частично нарушает северо-западный край заполнения первой дуги, а также край заполнения об. 342_2 и частично перекрывает контур ямы 1 (об. 347) (см. ниже). Очевидно, что происхождение второй «дуги» связано с перестройкой/обновлением и небольшим смещением наземной очажной конструкции. Компактное скопление фрагментов обожженной глины размером 0,2 × 0,18 м, аналогичное находкам из верхнего уровня заполнения об. 343_2, отмечено в 0,8 м к ССВ от него. Важно отметить, что над очагом 1 в стратиграфическом разрезе отмечена наименьшая мощность рыхлых отложений, что косвенно может указывать на то, что над этим местом было «открытое» пространство для дымохода. Варианты организации дымохода – отверстие в потолке либо каким-либо образом оформленная труба, например, из ствола дерева на глиняном основании-помосте.

Очаг 2, углубленный (об. 346). Исследован полностью. Расположен в 0,4 м к северу от очага 1 и почти соединен с ним небольшим понижением с сажистой заполнением по дну (об. 343_3). Овальный контур пятна размером 1,25 × 1,05 м выявлен чуть выше уровня материка на уровне пола, в слое желто-серой супеси. Основное заполнение на уровне фиксации – округлое пятно однородной темно-серой гумусированной супеси размером 1,05 × 0,96 м, а вдоль северного края ямы – полоса очень плотной неоднородной желто-серой глиняной обмазки, которая покрывала ок. 1/3 окружности стенки углубления до дна (рис. 1, 1; 2). Наибольшая толщина обмазки приходилась на верхний контур северного края ямы – около 0,15–0,2 м. Вдоль стен к восточному и западному краю и ко дну ямы обмазка плавно сходила на нет. Выступали ли края обмазки выше уровня пола – достоверно судить нельзя, но вероятность небольшого валика допускать можно, т.к. на первой стадии обрушения конструкции часть желтой супеси оказалась на дне ямы, частично перекрыв рыхлые очажные отложения. Однако этот слой по плотности уступал основному слою обмазки. Глубина ямы от уровня материка – 0,5 м; дно ровное, субгоризонтальное. Следы горения прослежены по всему дну в виде красно-коричневой, местами с линзами черной, супеси. Толщина прокаленных рыхлых отложений – 0,1–0,15 м. Следы прокаленности стенки отмечены на юго-западной стороне ямы – дальней от входа. Можно предпо-

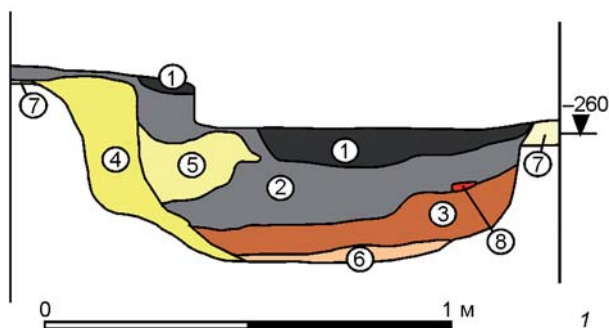

Рис. 2. Очаг 2 (об. 346). Схема (1) и фотография (2) разреза.

1 — однородная рыхлая черная супесь; 2 — неоднородная рыхлая темно-серая с желтыми пятнами супесь; 3 — неоднородная рыхлая прокаленная красно-коричневая супесь; 4 — очень плотная желто-серая глина (обмазка); 5 — переотложенная мешаная желтая супесь с серыми пятнами; 6 — мешаный прокаленный желтый песок с серыми пятнами; 7 — однородная светлая желтая супесь (материк); 8 — кость животного.

ложить, что следы огня на этой стороне ямы обусловлены притоком воздуха со стороны входа в жилище. С восточной стороны очага, вплотную к глиняной обмазке, примыкала яма подпрямоугольной в плане формы размером $0,4 \times 0,35$ м (об. 346_1). Она имела сложный ступенчатый профиль заполнения и скорее всего, являлась дополнительным конструктивным элементом очага типа столба. В заполнении очага 2 встречены необожженные фрагменты костей животных (в т.ч. коровы и лося), рыбы и птицы. Все они обнаружены выше уровня горения в очаге и не имеют следов пребывания в огне. Любопытной находкой, располо-

женной как раз на верхнем уровне слоя горения, является каменный «клювовидный» предмет на гальке. С трех сторон он имеет шлифованные (а с вогнутой стороны — полированные до блеска) следы от использования (рис. 3, 1). На одной стороне предмета — следы пигмента красного цвета (рис. 3, 1а). Все эти находки связаны уже либо с процессами археологизации, либо их можно рассматривать как своеобразную жертву огню на момент окончания функционирования очага (см., напр.: [Нестерова, 2019, с. 23–26]).

На участке между очагом 1 и входом были полностью исследованы еще две крупные хозяйственные

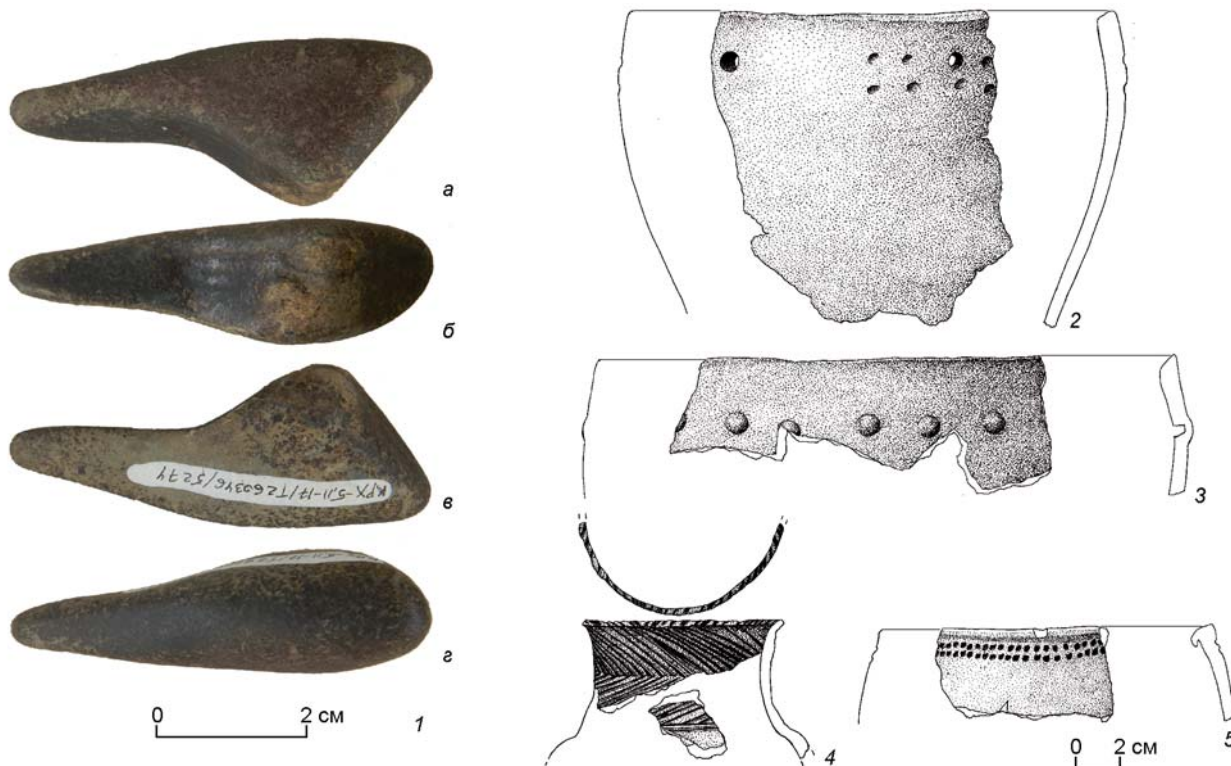

Рис. 3. Находки.

1 — каменный предмет; 2–5 — керамика.

ямы (об. 347 и 348) со схожими, как у очага 2, параметрами (но без следов обмазки), и еще одна яма изучена частично (об. 348а).

Яма 1 (об. 347) имела округлый контур, размеры – 0,85 × 1,05 м, заполнение – мешаная светло-серая супесь с пятнами желтой супеси, по дну – пятнистый песок с серыми и желтыми пятнами. Дно ровное, субгоризонтальное; стенки прямые пологие; глубина – 0,5 м. Яма была засыпана еще в ходе функционирования жилища, поскольку один из дугообразных элементов (об. 347_2) очага 1 частично перекрывает ее заполнение.

Яма 2 (об. 348) имела округлый контур диаметром 0,8 м. Заполнение в яме слоистое: в нижней части – пятнистое светло-серое заполнение, в верхней – темно-серое. Дно ровное, субгоризонтальное; стенки прямые слегка пологие; глубина – 0,3 м. Анализ стратиграфии показал, что эта яма была сооружена не сразу, а позднее, когда слой пола (мешаная пятнистая желтая супесь) мощностью ок. 5 см был уже сформирован. С другой стороны, на момент окончания функционирования жилища эта яма уже была засыпана и перекрыта слоем пола – небольшой линзой пятнистой серо-желтой супеси. В заполнении обеих ям встречен одинаковый немногочисленный состав находок – мелкие фрагменты костей животных и керамики, каменный дебитаж (отходы расщепления камня, вероятнее всего, происходит из более ранних культурных слоев памятника). Судя по тому, что ямы 1 и 2 близко расположены, имеют схожие параметры, морфологию и характер заполнения, нельзя исключать, что они функционировали не одновременно, а последовательно.

Помимо больших хозяйственных ям, на исследованной территории в предвходовой части в 0,4 м друг от друга выявлены еще три круглые ямы диаметром ок. 0,35 м и глубиной ок. 20 см от уровня материка, которые могли служить для установки опорных столбов, поддерживающих кровлю жилища (об. 349, 350 и 352).

Основными находками на полу, в углублениях и в заполнении жилища являются фрагменты керамической посуды большебереченского облика – закрытые баночные емкости с округлым краем венчика, орнаментированные только в верхней части одним-двумя рядами круглых ямочных вдавлений, «жемчужин», двузубого штампа или отпечатков уголка палочки (рис. 3, 2, 3, 5). В одном случае на территории жилища встречены фрагменты от верхней части кувшиновидного сосуда с высокой шейкой, орнаментированной двумя рядами резных наклонных оттисков, образующих «елочку» (рис. 3, 4). Небольшая доля кувшиновидной посуды характерна для большебереченских керамических коллекций Верхней Оби, в первую очередь, для погребального инвентаря (напр.: [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 39, табл. XXIX, 15–19, XXXIX, 1–5, 16, 17]). Фрагментарность материала не позволяет точнее судить о морфологии и орнаментации

емкости, но стоит отметить, что кувшиновидные сосуды с орнаментом из резных линий встречены также в материалах более западной лесостепной саргатской культуры [Полосьмак, 1987, рис. 29, 1, 30, 1, 34, 4]. И хотя особенности орнаментации основной массы большебереченской керамики характеризуются «бедным» декором, и большинство фрагментов не имеет орнамента, тем не менее достаточно высокая плотность черепка, специфика обработки поверхности (тщательная заглаженность и довольно часто – лощение) позволяют их точно культурно идентифицировать. Отдельные орнаментированные фрагменты большебереченской керамики залегают непосредственно на уровне пола жилища, а также в очаге 2 и в яме 1.

Обсуждение

Характер исследованной части жилища позволяет в общих чертах реконструировать основные особенности всей конструкции и интерьера. Котлован подпрямоугольной формы с длинным коридором-входом, грунтовым полом и двумя разнотипными очагами в центральной части – наземным (очаг 1) и углубленным (очаг 2). Характер находок на территории жилища, в первую очередь, фрагментов керамических сосудов позволяет соотносить его с большебереченской культурой степного и лесостепного Верхнего Приобья и восточной части лесостепного Обь-Иртышья [Грязнов, 1956, табл. XXIX; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 39–49; Полосьмак, 1987, с. 57–58]. По отдельным элементам конструкции «крохалевское» жилище соответствует домостроительным традициям верхнеобских большебереченцев. Длинные коридоры-входы изучены в жилищах поселений Милованово-3а и Х Кордон-4. Разные типы очагов характерны для жилищ поселения Ордынское-9 [Троицкая, Сидоров, 1991; Троицкая, 2005]. Среди теплотехнических устройств большебереченской культуры наиболее распространенными являются наземные, а в ямах – редкие [Нестерова, 2019, с. 175]. Среди наземных редко встречаются круглые очаги, укрепленные глиняными бортиками или каменной выкладкой по верхнему контуру. Такие конструктивно более сложные очажные структуры, как правило, сопровождалась находками металлургического производства (всплески металла, тигли, льячки и пр.). Однако в нашем случае ни в заполнении очагов, ни на прилегающей к нему территории сырья инструментов или отходов металлургического производства обнаружено не было. Однако отсутствие следов бронзолитейного производства в данном жилище является частной ситуацией, т.к. в других раскопах памятника, где также содержатся находки большебереченской культуры, отходы металлургического производства обнаружены были.

Частичное изучение очага 1 не позволяет пока полностью судить о его конструктивных особенностях, хотя характер расположения некоторых эле-

ментов (деревянная округлая опалубка, фрагменты глиняной обмазки и золистые отложения выше уровня пола, возможное отсутствие крыши над ним) позволяют осторожно предполагать конструкцию типа «чувала» (*тюрк.*) или «кора» (*селькуп.*) [Соколова, 1998, с. 262; Пелих, 1972, с. 49–51]. Что касается очага 2, то назначение частичной обмазки ямы может быть связано как с конструктивными особенностями, так и с функциональной направленностью очага. Первый аспект может касаться укрепления рыхлой стенки с наиболее активно используемой стороны очага (верхняя часть ямы сооружена в супесчаных отложениях, нижняя – в песчаных). Другой вариант интерпретации глиняной обмазки связан с функциональным назначением очага по типу «тандыра», например, для выпечки хлебных лепешек на укрепленной обмазкой стенке. Вопрос о земледелии в Верхнем Приобье был обозначен еще на материалах ирменской культуры эпохи поздней бронзы [Сидоров, 1986]. Для верхнеобского населения большеереченской культуры на данный момент пока есть убедительные свидетельства переработки и потребления дикорастущих злаковых, а не земледелия и культивирования зерновых [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 52–53, Кишкурно, Алексейцева, Жилич, 2026, с. 140–141]. С учетом свидетельств опосредованного через кочевническое население взаимодействия в середине I тыс. до н.э. населения юга Западной Сибири с населением земледельческих культур юга Средней Азии [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 75–76] можно предполагать проникновение культуры потребления зерновых лепешек и традиции простейших устройств для их приготовления в виде глиняной стены в яме.

Похожие жилые конструкции исследованы в Барабинской лесостепи на большеереченском поселении Каргат-4 [Полосьмак, 1987, с. 47–50]: схожими чертами обладают слабоуглубленные однокамерные котлованы подчетыреугольной формы (жилище 2) с длинным входом-коридором в центральной части одной из стен и двухкамерные (жилище 1) котлованы с очагом, расположенным в центральной части жилой камеры. Для жилища 1 очаг реконструируется в виде «чувала» – окопанной ровиком земляной площадки и двух ямок, предположительно предназначавшихся для конструкции трубы [Там же, с. 47–48]. По конструктивным особенностям это теплотехническое сооружение можно сравнить с очагом 1 из изученного нами жилища Крохалевки-11. Материалы большеереченских поселений из Центральной Барабы датируются Н. В. Полосьмак V–III вв. до н.э. [1987, с. 101–103].

Заключение

Немногочисленность предметного комплекса, в т.ч. отсутствие «ярких», датирующих изделий, не позволяет нам доказательно рассуждать о более узких хронологических границах бытования со-

оружия, чем рамки середины – второй половины I тыс. до н.э. Осторожно можно предположить, что по совокупности признаков (характер конструкции, особенности интерьера и керамика) «крохалевское» жилище наиболее сопоставимо с материалами поселения Ордынское-9, для которого дата в рамках VI–V вв. до н.э. определена находкой трехдырчатого псаля [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 8]. В то же время в материалах территориально близкого поселения Крохалевка-11а (большеереченский горизонт которого образует, по всей видимости, единый протяженный культурный слой с материалами поселения Крохалевка-11) встречен миниатюрный бронзовый трехгранный наконечник стрелы, датированный V–IV вв. до н.э. [Там же, с. 9]. Таким образом, время бытования жилища предварительно можно рассматривать в пределах VI–IV вв. до н.э.

Финансирование

Анализ и обобщение полевых материалов выполнены по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG–2025–0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Благодарности

Авторы выражают благодарность канд. биол. наук С. К. Васильеву за видовые определения палеофауны, Л. О. Понедельченко за полевую консервацию и расчистку археологических комплексов.

Список литературы

- Грязнов М. П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 160 с. (МИА; № 48).
- Кишкурно М. С., Алексейцева В. В., Жилич С. В. Диета населения эпохи раннего железа на территории Новосибирского Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // Археология, этнография антропология Евразии. – 2026. – № 1. – С. 134–142.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Кишкурно М. С., Галямина Г. И., Назарова Л. В. Новые данные по памятникам крохалевского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Чикишева Т. А., Кишкурно М. С. Неолитическое захоронение на севере Верхнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2025. – № 1. – С. 53–63.
- Нестерова М. С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – 271 с.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1972. – 424 с.
- Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Сидоров Е. А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 54–67.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА Трп, 1998. – 284 с.

Сумин В. А., Евтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. – 272 с.

Троицкая Т. Н. Новое жилище раннего железного века Верхнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 5. – С. 64–66.

Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А. Жилища большереченской культуры // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1991. – С. 97–105.

References

Gryaznov M. P. Istoriya plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaya Rechka. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1956. 160 p. (MIA; No. 48). (In Russ.).

Kishkurno, M. S., Alekseitseva V. V., Zhilich S. V. Diet of the Early Iron Age people in the Novosibirsk stretch of the Ob: a case study from the Bystrovka burial ground. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2026. No. 1. P. 134–142. doi:10.17746/1563-0102.2026.54.1.134-142

Marchenko Z. V., Grishin A. E., Kishkurno M. S., Galyamina G. I., Nazarova L. V. New data for the sites of Krokhal'evskiy archaeological area (Novosibirsk Ob region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 297–302. (In Russ.).

Marchenko Z. V., Grishin A. E., Chikisheva T. A., Kishkurno M. S. A Neolithic Burial in the Northern Upper Ob

Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2025. No. 1. P. 53–63. doi:10.17746/1563-0102.2025.53.1.053-063

Nesterova M. S. The hearth features of palaeometal epoch (Western Siberia). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. 271 p. (In Russ.).

Pelikh G. I. Proiskhozhdeni sel'kupov. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1972. 424 p. (In Russ.).

Polosmak N. V. Baraba v ehpokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.).

Sidorov E. A. O zemledelii irmenskoj kul'tury (po materialam lesostepnogo Priob'ya). In *Paleoekonomika Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 54–67. (In Russ.).

Sokolova Z. P. Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii). Moscow: IPA Tpul. 284 p. (In Russ.).

Sumin V. A., Evteeva E. M., Anufriev D. E., Roslyakov S. G. Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Novosibirskoi oblasti, 2013. 272 p. (In Russ.).

Troitskaya T. N. Novoe zhilishche rannego zheleznogo veka Verkhnego Priob'ya. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2005. No. 5. P. 64–66. (In Russ.).

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Troitskaya T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980. 184 p. (In Russ.).

Troitskaya T. N., Sidorov E. A. Zhilishcha bol'sherechenskoi kul'tury. In *Zhilishcha narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1991. P. 97–105. (In Russ.).

Марченко Ж. В. <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

Гришин А. Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

Гаркуша Ю. Н. <https://orcid.org/0000-0002-0935-0213>

Гнездилова И. С. <https://orcid.org/0000-0003-3318-0848>

Дата сдачи рукописи: 29.05.2026 г.